

НОРВЕГИЯ – 1940

КАМПАНИЯ НА СУШЕ

Весной 1940 Великобритания и Франция высадили свои войска в Норвегии, чтобы отразить вторжение гитлеровцев. В скоротечной кампании германские войска взяли вверх...

Вспоминают солдаты и офицеры, сражавшиеся против нацистов:

Сержант Абрахамс (Abrahams), 1-й Батальон Шотландских Гвардейцев/1st Battalion Scots Guards

7 апреля 1940 года я видел, как 1-й Батальон Ирландских Гвардейцев (Irish Guards) отправлялся из шотландского порта для участия в своей первой кампании ВМВ, кампании, о которой по сей день известно очень мало. В ее ходе люди не раз проявляли храбрость высшей пробы в тяжелейших условиях заснеженных гор Норвегии. Гвардейцы, известные под прозвищем *Micks*, приняли участие в сражении, которое войдет в анналы военной истории на одном уровне с Ватерлоо и т.п. – в сражении под Нарвиком.

Мне, бывшему солдату 1-го Батальона Шотландских Гвардейцев, которому посчастливилось служить бок о бок с Ирландскими Гвардейцами в той кампании, посоветовали написать об этом...

Ирландские гвардейцы тронулись в путь по морю из Харстада (Harstad), расположенного на Лофонтенских островах. Они должны были поддержать Шотландских Гвардейцев, как и валлийцев из полка *South Wales Borderers* (историческое название, связанное с набором рекрутов в приграничных с Англией районах Южного Уэльса - ВК), в предстоящем наступлении. Мы, шотландцы, высадились в районе городка Му-и-Рана/Mo i Rana в воскресенье 12 мая 1940 года, под бомбами пикирующих бомбардировщиков. В [польское] судно *Chrobry*, на котором находились ирландцы, угодила тяжелая бомба, которая убила большинство старших офицеров, включая командира батальона и его заместителя майора Денэма (Denham). Денэм был тяжело ранен и скончался в Харстаде через несколько дней...

Валлийцам повезло ненамного больше, так как [перевозивший их] тяжелый крейсер *Effingham* наскочил на камни в одном из фьордов на пути к Му-и-Рана. Тогда общее мнение было такое: поработал лоцман – человек немецко-норвежского происхождения. Корабли вернулись в Харстад для ремонта. Ирландцы, проявили исключительную дисциплину, когда их снимали с разбитого и горящего [лайнера] *Chrobry*. Мне об этом рассказал майор Джон Элвес (John Elwes), командир моей роты В вечером 17 мая 1940 года, когда мы готовились к марш-броску протяженностью в 14 миль, чтобы прийти на помощь нашим Легофланговой (Left Flank) и Правофланговой (Right Flank) ротам, отбивавшим яростную атаку немцев примерно в 10 милях от Му-и-Рана.

Я был ротным связным. Майор Элвес, говоря об ирландцах и о потоплении *Chrobry*, сказал: «Мораль этой истории такова: не клади все яйца в одну корзину,» имея в виду то, что все старшие офицеры находились рядом друг с другом в палубных каютах там, куда угодила бомба.

В истории Шотландских Гвардейцев остались бои в окрестностях Му, подрыв моста через реку Рана, в результате чего моя Рота В осталась отрезанной на занятой немцами стороне,

чтобы удерживать городок любой ценой, эпический переход через горы и через немецкие позиции, переправа через глубокую реку на трех небольших лодках, *Военный Крест*, которым наградили майора Элвеса.

Если бы ирландцы и валлийцы были с нами в том сражении близ Му, атака немцев была бы отбита, и того трагического отхода с боями на север, за Полярный Круг, не случилось бы.

Вечером 24 мая мы перешли через мост в Потхусе/Pothus, и ирландцы, находившиеся близ него и Ронана/Rognan получили нужные припасы и были направлены к Будё/Bodø – портовому городу (позднее ставшему военно-морской базой немцев), который никто не оборонял. Через несколько дней этот город подвергся атакам идущих волна за волной пикирующих бомбардировщиков, которые превратили его в горящие развалины. Не пощадили ни госпиталь, ни находившихся в нем медсестер, вообще никого...



Будё, разрушенный немецкой авиацией

<https://mannaismayaadventure.com/2016/06/20/norwegian-campaign/>

Я хорошо помню, как измотаны мы были, когда проходили через позиции ирландцев: неделя без сна, дневной свет 24 часа в сутки, грязные, уставшие от непрерывных переходов и боев. Ирландцы были шокированы нашим внешним видом и сердечно нас приветствовали, веря в то, что вместе с нашей ротой сумеют сдержать наступление немцев через район Салтдал/Saltdal – обширный, горный, залесенный, с проходящей через него всего лишь одной проселочной дорогой, ведущей к Арктическому шоссе.

О героизме, проявленном ирландцами, которые, как и шотландцы, безнадежно уступали противнику в численности и столь же безнадежно были обойдены с флангов горными стрелками противника, поддержанного авиацией (которой у нас не было), артиллерией и т.п., так и не стало известно широкой публике.

Мост в Потхусе пришлось взорвать, так как немцы быстро наступали и почти уже вышли к нему. Многим ирландцам пришлось постараться, чтобы оторваться от противника и попытаться переплыть реку, которая [в тот момент] сильно разлилась.

Когда я посетил эти края [в 1964-м], я отчетливо вспомнил, как главный полковой сержант (*R.S.M. – Regimental Sergeant Major*) Джонни Стэк (Johnny Stack) изо всех сил старался спасти многих из тех, кто не умел плавать... В 1964-м я провел два дня в пути между Эвенсдалем (Evenesdal), Венсмоеном (Vensmoen) и Ронаном (Rognan), беседуя с

фермерами и местными жителями, которые помнили ирландцев, на время располагавшихся в их домах перед уходом на передовую. Во дворе церкви Ронана были похоронены некоторые погибшие в боях ирландцы, тогда как другие, утонувшие или застреленные немцами во время переправы через реку, так и не были найдены. Я записал некоторые из имен: Tierney – погиб 21 мая 1940 года, Rankin – погиб в возрасте 21 года, Donnoly, Jordan.

Один фермер также передал мне каску ирландца по фамилии Reardon, который вместе со своим отделением попал под огонь, пытаясь переплыть через бурную реку. Он и другие были убиты или утонули в нескольких милях от этого места близ Сундбю/Sundby.

Когда я посетил маленькую часовню в Салтдале, мне рассказали, что один из ирландцев с расстояния больше чем 600 ярдов снял немецкого снайпера, который засел под шпилем местной церкви. Пулевое отверстие к тому времени было все еще там, и тот превосходный выстрел стал местной легендой.

Разбомбленный причал в Ронане был отстроен заново. Многие ирландцы должны быть, помнят эвакуацию под огнем. Железную дорогу, проложенную при немцах рабским трудом в 1942 году от Трондхейма до Будё вдоль фьорда и пересекающую его по мосту в городке Хопен/Нореп, местные называют *Кровавой Дорогой*, потому что тысячи русских и славян-военнопленных погибли при ее строительстве.

Через мост в Хопене, где наша рота Шотландских Гвардейцев участвовала в своем последнем бою на земле Норвегии, проходило отступление ирландцев через наши позиции 5-6 дней после того, как мы прошли через их позиции в Потхусе и Ронане. В 1964-м я стоял на заново построенном мосту и вспоминал, как здесь проехала транспортная колонна с ирландцами, на многих из которых были старая гражданская одежда, какие-то шляпы с узкими полями, словно они потеряли свою одежду, переправляясь через реку в районе Потхуса. Тогда я узнал своего старого друга Пэдди Теллина (Paddy Tellin), который позднее погиб в бою. Он сидел на заднем борту грузовика, и, когда они проезжали мимо, я спросил, уж не были ли он демобилизован, намекая на его коротковатый гражданский костюм и довольно модную шляпу. Однако он держал в руках автомат, его ответ оказался довольно грубым, и я сообразил, что он сильно не в духе...

Интересно, что человек, который копал могилы во дворе церкви Ронана, все еще был сердит на ирландцев за то, что они взорвали мост в Потхусе в 1940-м. Он хотел знать, кто сделал эту ужасную вещь и никак это не компенсировал...

Подвал под одним из домов близ ронанской церкви был использован немцами для того, чтобы держать в нем ирландцев, взятых в плен в районе Салтдала и Потхуса. Немцев немало удивило задушевное пение, которое доносилось из подвала, и, когда они открыли дверь в него, они обнаружили, что пленные напились, найдя в подвале литров шесть (*1 stone*) домашнего вина. Хозяин дома сказал мне, что этим ирландцы сильнее всего поразили немцев, поскольку пели ирландские бунтарские песни и хохотали при этом. Позднее их переправили в Трондхейм...

<http://ww2talk.com/index.php?threads/norwegian-memories-scots-guards-irish-guards-norway-1940.47714/>

Вспоминает К. Маколи (К. McAuley, 1919-2017)

9 апреля 1940 года немцы вторглись в Данию и Норвегию. Дания была захвачена, в Норвегии немцы установили контроль над основными аэродромами и портами.

В это время 1-й и 2-й батальоны Ирландских Гвардейцев находились в лондонских Веллингтонских казармах, и 10-го апреля 1-й Батальон, являясь частью 24-й Бригады гвардейцев (Guards Brigade), состоявшей из 1-го Батальона Шотландских Гвардейцев, 1-го Батальона Ирландских Гвардейцев и 2-го Батальона валлийцев отплыли в Норвегию. Некоторый интерес представляет то, что мы тронулись в путь впервые в только что выданной нам униформе. На ней не было латунных пуговиц, которые полагалось полировать до блеска, не было необходимости тщательно накручивать обмотки, вместо которых мы получили новые гамаши.

Прибыв в Норвегию, мы воспользовались услугами рыболовных суденышек, прозванных *ruffers/пыхтелками*, и перебрались на берег в небольшом порту под названием Лиланд/Liland. Здесь я немного отвлекусь.

Есть такая книга, называющаяся *Обреченная Экспедиция, Кампания в Норвегии/The Doomed Expedition, The Campaign in Norway*, написанная Джеком Адамсом/Jack Adams. Уверен, он не стал бы возражать, если старый солдат, который принимал участие в этой кампании, привел бы цитату из его предисловия:

Все было готово для первого значительного наземного сражения в этой войне. Его результат для союзников, вероятно, может быть резюмирован словами Дезмонда Фитцджералда, историка, который писал об Ирландских Гвардейцах. «... Надежды и планы окончились неудачами и депрессией. Кампания была трагедией, ставшей еще более тягостной из-за той стойкости, которую проявили те немногие части, которые сражались совершенно неадекватно оснащенными для этого. С начала мая предчувствие неотвратимого крах повисло над Норвегией.»

То, что было после Лиланда, смешалось в памяти. Я многое помню, но воспоминания скомкались. Поэтому я буду вспоминать те события без связи друг с другом, не в последовательности...

Помню, как я ехал в неизвестном для меня направлении, глядя сверху на фьорд, помню, как нас поселили в пустом деревянном доме, из которого мы могли видеть сквозь снежные заряды, как эсминцы качаются вверх-вниз на волнах. Помню, как мы взошли на борт большого военного корабля, думаю, это был крейсер, и еще то, что мы поняли, что нам предстоит наступать на Нарвик. Однако вскоре после посадки мы опять сошли на берег, и я вновь оказался на борту *пыхтелки*, где нас загнали в трюм, вонявший рыбой. Это помещение было кстати, потому что почти постоянно было светло, и *пыхтелки* с толпами солдат на палубах едва ли сошла бы для разбойничавших в небе немецких самолетов за невинную рыболовную флотилию, вышедшую в море по обычным своим делам.

Помню, как мы окопались на крутом, покрытом лесом склоне, где нас регулярно обстреливали немецкие самолеты. Я ни разу не видел какой-либо поддержки с воздуха, оказываемой нам союзной авиацией на протяжении всей кампании. Со временем кто-то, должно быть, решил, что ту нашу позицию на склоне не удержать, и нам приказали покинуть ее. Спустившись по склону вниз, мы обнаружили пеструю колонну машин и поскорее убрались оттуда. Прибыв к причалу, мы взошли на борт эсминца.

Помню, что моряки эсминца угощали нас горячим сладким какао. Тем не менее, когда корабль направился в открытое море и стал пробивать себе путь поперек волны на всех парах, его стало раскачивать с глухими ударами о воду, и уже вскоре нижняя палуба была вся заблевана недавно выпитым какао...

Помню, что где-то в Норвегии был у нас долгий марш из одного места в другое. Колонной командовал какой-то капитан, не помню, как его звали, но помню, что с его бедер свисали два револьвера в стиле Джона Уэйна (*John Wayne, 1907-1979, звезда Голливуда, сыгравший во многих вестернах – ВК*). Очевидно, был он экстравагантной личностью.

Однако больше всего мне запомнился лайнер *Chrobry*. В начале войны два польских лайнера *Batory* и *Chrobry* ушли в Англию и стали войсковыми транспортами. 13 мая 1940 года наша батальон отправился в путь на борту *Chrobry*, чтобы усилить наши части, вытаскивающие сдержат немецкое наступление через Норвегию. Была полночь, все еще было светло, и *Chrobry* атаковали бомбардировщики. Кроме судовой команды все спали, и бомбы взорвались рядом с каютами старших офицеров. Наш командир батальона был убит, командиры рот были ранены. Я в это время спал на нижней палубе.

Мы, 1-й батальон Ирландских Гвардейцев, обязаны своими жизнями храбрости и морской выучке командира эсминца *Wolverine* и его команды. Наш последний контакт с противником случился 8 июня, когда немецкий самолет разведчик появился в поле зрения, вызвав тревогу. Корабли эскорта открыли по нему огонь. По счастью, еще до того, как разведчик мог бы навести на нас бомбардировщики, конвой углубился в густой туман, и Люфтваффе осталось без какой-либо добычи...

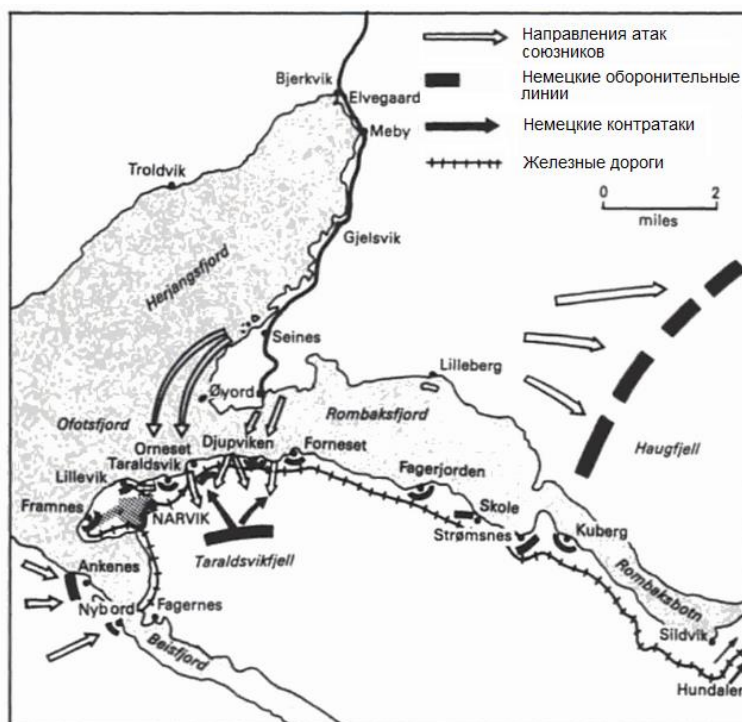
<http://www.g7smy.co.uk/war/?04>

Капитан Пьер Лапье (Pierre Larie) - 13-я Полубригада Французского Иностранного Легиона

Взятие Нарвика

28 мая

Атака началась в полночь 28 мая. Одновременно с этим *Fame* и другие корабли ворвались во фьорд. Эсминец *Fame* обрушил огонь на входы в тоннели и другие цели в соответствии с исходным планом. Две батареи Колониальной (Colonial) артиллерии, расположенные на Высоте 145 сконцентрировали огонь на береговой линии участков высадки, норвежские батареи также вступили в бой. Немцы открыли ответный огонь. Их мобильные орудия, установленные на платформы, выдвинулись из тоннелей и начали стрелять. Множество 77-миллиметровок, позиции которых мы ранее засекли, переместились и действовали довольно эффективно.



Взятие Нарвика 28 мая 1940 года (из книги Norway 1940, François Kersaudy)

Легионерам предстояло идти в атаку под огнем противника. Солнце к этому моменту уже не могло опуститься ниже, и на берег, на который предстояло высаживаться, легли тени окрестных гор. Легионеры погрузились на десантные суда. Они отходили от двух пунктов. Ближним [к Нарвику] и в большей степени открытым взору был Ойорд/Øyjord, расположенный прямо напротив позиций противника. Другой был закрыт от наблюдения и вражеского огня самим полуостровом – это была небольшая бухта Сайнес/Seines. Когда корабли и суда подошли к Ойорду, они оказались под огнем немецких 77-миллиметровок. Люди, спускавшиеся к берегу, не обращали внимания на прилетающие снаряды. Они находились в предвкушении боя. Капитан Гийемен (Guillemin), укрывшийся с несколькими солдатами за скалами неподалеку от бухты, был убит вместе с ними. На мгновение показалось, что дело плохо, поскольку мы не позаботились о том, чтобы иметь под рукой санитарный фургон – он был довольно далеко. Однако роты 1-го Батальона не сбавили темп ни на минуту. Они под сильным огнем продвинулись к гряде Омесет/Omeset, вытянутой вдоль противоположного берега фьорда напротив Ойорда. Их было видно с находившихся в море кораблей. Они подошли к берегу, по ним ударили пулеметы, но люди продолжили высадку. Наша разведка докладывала о наличии проволочного ограждения между скалами и береговой линией – очевидно, оно не добавило особых затруднений., поскольку наши парни после высадки углубились в лес и исчезли из поля зрения: на березах, которыми поросла эта гряда, уже была листва...

Полковник (Raoul Magrin-Vernerey – Рауль Магрин-Вернери – 1892-1964), находившийся на артиллерийском наблюдательном пункте, приказал продолжать обстрел гряды, пока она не будет захвачена. Высадка продолжалась. Батарея, которая ранее столь точно обстреливала Ойорд, теперь замолчала. Однако другая батарея вела огонь – ее снаряды пролетали у нас над головой, явно нацеливаясь на наш наблюдательный пункт или на Сайнес. И тут неожиданно над грядой взлетела сигнальная ракета: «Цель взята.»



Подполковник Рауль Магрин

Плацдарм был создан. Теперь его необходимо было расширить, создать на нем базу и разместить на ней людей, оружие и припасы. Был час ночи. Все это нужно было закончить к 3 часам, думали мы. Но все пошло по-другому...

Полковник решил сам отправиться на плацдарм Омесет, не дожидаясь высадки остальной части батальона. Его основная задача – руководство огневой поддержкой – была

выполнена. Теперь вот-вот должна была начаться атака пехоты, и он хотел быть в самой горячей точке. Тут начались приключения. Самое забавное случилось в Ойорде, где мы очутились в транспортной пробке, образовавшейся из-за неисправной машины. Ее водителю полковник сказал: «Это то самое место, на которое нацелены 77-миллиметровки!» В итоге, к нашей вящей досаде, мы увидели, как Ойорд покидает последнее судно, так что пришлось нам переправляться через фьорд из Сайнеса. Нашу высадку у гряды Омесет нельзя было назвать комфортабельной: берег был сложен плоской угловатой галькой и скользким черным сланцевым щебнем, усеян водорослями и множеством природных запруд. Подобраться к берегу оказалось делом непростым. За пляжем начинались скалы, громоздившиеся друг на друга и сложенные тем же сланцем, но теперь уже серого цвета. Немцы начинали протягивать проволочные заграждения между скал, но эта работа осталась незавершенной. Склоны гряды возвышались футов на 250...

Огонь не утихал, до нас доносился свист пуль. Люди укрылись между скальными выступами... Отдав приказ о таком расположении временного командного пункта, с которого можно было видеть Нарвик, полковник отправился к передней линии.

Начальник штаба, командант Казо (Caseau), который приходил в себя после приступа малярии, сказал мне: «Полагаю, молока у тебя с собой нет?» У меня был с собой небольшой термос с горячим чаем, и мы поделили его содержимое. Он выпил свою порцию и открыл портфель. Затем он начал преспокойно отдавать приказы, сверяясь со списком.

«Где Лош (Loche)?» - спросил он.

Лош был его ординарцем. Парень крупный и вяловатый, но внимательный. Он когда-то был дамским парикмахером в большом заведении в Париже, отличался щепетильностью в одежде, следил за кожей лица и рук и за своей речью. Он говорил на безупречном французском с легким акцентом и никогда не ругался, что было делом удивительным в Легионе, где говорили на всех языках вперемешку с ломаным французским...

Появился Лош, безмятежный, как всегда. «Мне надо поспеть с почтой, сэра, - сказал он. - Мадам Казо специально попросила меня: «Лош, ни в коем случае не бросай моего мужа и не забывай регулярно писать мне.» Так что я собираюсь написать ей прямо сейчас.» - «Погоди до вечера, Лош, пока мы не возьмем Нарвик.» - «Не могу, сэра. Хочу отправить письмо с катером для боеприпасов, который во-вот уйдет. А у меня приятель на нем.»

Пули свистели вокруг Лоша, когда он уселся писать письмо мадам *Коммандант*, описывая высоким слогом то, как на его командира навалилась малярия...

Справа от нас гряда круто обрывалась к морю. Это был нарвикский пляж, который называли Таралдсвик/Taraldsvik. На нем было несколько домиков, разбросанных почти до воды... Дальше просматривались *Высота 79* и *Высота 102*, густо заросшие лесом и заслоняющие Нарвик от северных и западных ветров. Но плоскотине располагался сам Нарвик, спускающийся к гавани. Прямоугольники деревянных домов, раскрашенных во всевозможные цвета, стояли довольно кучно, но весь город целиком мы не видели.

Погода была очень теплой... Возле деревянных мостков только-только высадился танк. Он пополз вперед, но потом остановился, издавая гроыхающий шум. Он застрял в иле и не мог двинуться дальше. Еще один танк, присланный на помощь, ожидала та же участь. Казалось, танкам в Норвегии удачи не видать. Самый первый, прибывший в Норвегию, свалился в воду во время высадки в Харстаде. Офицеру, находившемуся внутри, хватило сообразительности дать воде заполнить машину, прежде чем открыть люк и выбраться наружу - вода там была в несколько футов глубиной.

Прибытие войск из Сайнеса шло страшно медленно. В Легионе был только один батальон, и тот был неполной численности, а норвежский батальон только-только добрался до

расширенного плацдарма. Английские самолеты, появившиеся в небе, патрулировали участок с 8 вечера предыдущего вечера, ушли около 3 часов. К тому времени переброска войск должна была уже закончиться. На самом деле, она закончилась к 5 часам дня.

В небе появились немецкие бомбардировщики. Они атаковали транспортные суда и военные корабли, создали препятствия для движения *пыхтелок*, отбомбились по нашей передовой и обстреляли ее.

Ситуация осложнилась и уже вскоре дела пошли еще хуже. Простирающаяся с запада на восток гряда Омесет спускается к горному проходу, ведущему к железной дороге. На дальней стороне от дороги находился скальный выступ, поросший редколесьем и известный как *Плато 457*. У немцев, почти окруженных в Нарвике, был только один путь к отступлению – железная дорога, идущая вдоль [южного] берега фьорда Ромбакен. Однако поскольку большое количество войск не могло продвигаться вдоль железной дороги под огнем противника, им нужно было захватить плато. Подъем по склонам плато был не самым практичным, во-первых, потому что они были слишком крутыми, во-вторых, потому что они были под огнем артиллерии. С другой стороны, сама поверхность плато находилась вне поля зрения и за пределами досягаемости артиллерии. Отсюда следует, что немцам оставалось только удерживать подходы к плато с полной отдачей. Это они сделали с заметным мастерством.

Легионеры были в бою с полуночи. Они захватили гряду Омесет и начали продвижение в направлении плато, чтобы атаковать его. Повсюду они сталкивались с ожесточенным сопротивлением. Хотя легионеры и побросали свою боевую выкладку, они выбивались из сил и обливались потом под [ярким] солнцем, изнемогая от жажды и ослепленные солнечным светом, в то время как противник вел по ним огонь, прячась в нависавших над ними скалах. Норвежцы позаботились об оставленном легионерами снаряжении и тащили на себе пулеметы так быстро, как только могли, но легионерам все равно казалось, что норвежцы делают это слишком медленно и говорили, что они «спят на своем оружии.» В реальности норвежцы были трудолюбивыми и сообразительными парнями, которые из всех сил старались делать все, как положено, но немного нервничали из-за того, что им приходилось идти в бой бок о бок с легионерами. Да и кто знает, были ли они когда-либо ранее под огнем? Я в этом сомневаюсь. Нельзя ожидать от молодых солдат великих свершений с первого раза. Мы учимся только на ошибках...

... Атака с воздуха ослабила боевой дух легионеров, они почувствовали, что их силы исчерпаны. Немцы воспользовались этим и попытались просочиться [через наши позиции]. Затем они контратаковали сектор, в котором были норвежцы, и эта атака достигла успеха. Тогда как определенная часть наших почти добралась до бровки плато, немцы прорвались в нижней части склона близ железной дороги и прохода, ведущего к гряде Омесет. Сюда они перетаскивали свои пулеметы, чтобы отсечь огнем находившихся выше по склону от пляжей участка высадки. Они уже держали под огнем этот сектор... Дафф (*Duff – британский офицер связи*), которому удалось спасти двоих с взлетевшего на воздух судна с грузом боеприпасов, переместил участок десантирования западнее и приказал обеспечить огневое прикрытие для высаживающихся там, где все сидел в иле застрявший танк. Командант Пари (*Paris*), стоявший в полный рост на палубе канонерки, собрался было отправить сообщение генералу. «Пригнись,» - сказал ему находившийся на борту канонерки офицер, когда он подошел к орудийной башне. «Это не имеет значения, - сказал Пари. – Со мной все в порядке.» В это же мгновение он был сражен пулеметной очередью...

Рассказывает капрал Фаврель (Faverelles)

Интенсивность огня позади нас, казалось, говорила о том, что сильная атака обрушилась, главным образом, на норвежцев... Нас отрезало от батальона, так как бой шел уже где-то в средней части склона, а норвежцы откатились к восточному краю пляжа Омесет, который был под перекрестным огнем горной артиллерии, минометов и пулеметов. Этот огонь

также прошелся по фьорду, закрыв путь десантным судам с подкреплениями и боеприпасами...

Пьер Лапье

...Колониальная артиллерия, стараясь помочь нам, открыла огонь по Плато 457. Однако снаряды стали падать между нашими же парнями. Поднялся шум: «Почему эти идиоты не могут выпустить сигнальную ракету?» Командир эсминца *Fate*, увидев, что дела идут плохо, тоже открыл огонь, и снова по тому же участку! Возмущению не было предела.

«Где Дафф?» - спросил полковник.

«Он ушел, чтобы сместить участок высадки. Они под пулеметным огнем на первом пляже.» - «Идите и помогите ему навести порядок с огнем с эсминца. Знаете, где искать их?» - «Да, сэр.» - «И отдайте приказ о переходе в контратаку.»

ПРИКАЗ ПО ЛЕГИОНУ

Ситуация следующая:

(1) Высота 457 не была занята норвежским батальоном. Немцы закрепились на ней. Они контратаковали и захватили юго-восточную часть плацдарма. Норвежский батальон оставил расселину между [грядой] Омесет и склоном Высоты 457.

(2) Батальон I/13 и части Батальона II/13 должны восстановить положение на плацдарме.

(a) 1-й Батальон разворачивается фронтом к плацдарму и оставленной на юге его части.

(b) Батальон II/13 должна занять западную часть гряды Омесет силами двух отделений и составить батальонный резерв.

(c) Норвежский Батальон, части которого находятся южнее на стыке со 2-й Ротой, должен находиться в состоянии полной боевой готовности.

Эта реорганизация должна пройти под руководством старших и полевых офицеров.

(3) Как только положение на плацдарме будет восстановлено, нашей целью будет захват Высоты 457 и закрепление на ней Норвежского Батальона, откуда он сможет продолжить наступление.

(4) Тем временем огонь корабельной артиллерии должен быть нацелен на высоту 457.

Подполковник 13-й Полубригады Магрин.

Таким был приказ. Я смог разглядеть сомнения в глазах присутствующих офицеров. Люди были измучены жарой, страдали от жажды, от крутых подъемов, были измучены боями, контратаками противника, огнем от своих же, и теперь от них ожидали контратаки без резервов, с почти исчерпанным боезапасом – это был, дерзкий план, если не сказать больше...

Я с трудом спустился, пробираясь между камнями. Множество раненых находилось в ожидании, там же были и пленные. Норвежцы были одеты в форму яблочно-зеленого

цвета, как и немцы, которые, разжились норвежской униформой. Я нашел адъютанта, Винсена, лежавшим на носилках у самого берега. «Попрощайся с полковником от моего имени, лейтенант, - сказал он. – Хорошо, что с ним этого не случилось.» Винсен всегда был рядом полковником...

Дафф, стоя по пояс в воде, руководил разгрузкой канонерки. Он и сам помогал в этом. Пленных и легионеры передавали ящики друг другу по цепочке. Я показал Даффу приказ, отметив места, которые было необходимо обстреливать. «Этот участок из корабельных орудий не обстреляешь, - сказал он. – Но вот этот можно!» Вскоре заработал его радиопередатчик...

Контратака оказалась успешной. Легионеры добавили боевого духа норвежцам. Они дружно двинулись вперед и отбросили немцев. Прибыли боеприпасы. Мы оставили идею о том, чтобы бросить норвежцев в атаку в юго-восточном направлении от Нарвика, как предполагалось изначально. Они спустились вниз на юг от гряды Омесет, перегруппировались и вошли в город. Им осталось только зачистить город: сразу же нашлись люди, которые стали показывать им, где засели немцы...

...Тем временем 2-й Батальон, быстро занял одну за другой высоты 79 и 102, господствовавших над Таралдвиком (северо-восточная окраина Нарвика – ВК).

«У меня для вас сюрприз, - сказал капитан Понтье (Ponthie) полковнику. – Вы сказали мне взять 79-ю, но я прихватил и 102-ю.»

«Бог ты мой! – сказал полковник. – Я весь день ничего не делал. Лапье, пошли со мной.»

Мы спустились к Нарвику, нашли машину, реквизировали ее и прокатились на противоположный конец города. Там мы вышли и пробрались через что-то вроде рощицы к берегу. Какой-то местный норвежец сопровождал нас. К нам присоединился Шлински (Schlinsky). Неожиданно мы разглядели в зарослях людей в зеленой униформе. Они замахали нам руками, крича *Norwegian! Norwegian!* Это были норвежские солдаты, которые уже обзавелись местными подругами и прогуливались с ними.

Мы вышли к западному краю Нарвика и оказались прямо через пролив от Анкенеса. Норвежец показал нам брошенные немцами огневые позиции – на большинстве из них орудий уже не было. «Похоже, здесь ничего не происходило, - сказал полковник. – И что, понадобилось мое присутствие, чтобы помочь этим парням убраться отсюда? Шлински, пальните-ка из этой штуки, чтобы показать им, что мы уже здесь.» Штукой была зенитная пушка, у которой не было затвора, так что ничего не получилось. На мысу был брошенный лагерь с флагштоком, на котором висело полотнище со свастикой. Мы прихватили его в качестве сувенира...

Мы вернулись в город. Честь занять его была предоставлена норвежскому гарнизону, и полковник сказал их майору: «Теперь вы комендант, и я подчиняюсь вашим приказам...» Люди выходили из своих домов в летней одежде, большинство женщин было в серых фланелевых брюках. Он улыбались, но мало что могли сказать – настолько они были поражены нашим появлением. Два месяца им говорили о том, что вот-вот появятся союзники, и вот мы были здесь. Теперь французский флаг развевался рядом с норвежским.

Я должен отметить деликатность и, одновременно, эмоциональность того, как нас встретило местное население. Эти люди мало чем могли поделиться с нами, но они отдавали нам и эти крохи. После двухмесячной блокады силами союзников, последовавшей за приходом немцев, они были на грани голода. Кроме того, мы были вынуждены обстреливать город и жечь их дома – едва ли им это понравилось. Они предлагали нам остановиться в их домах и были явно смущены тем, что полковник отказался воспользоваться их гостеприимством. «Мы останемся на [гряде] Омесет, - сказал он. – Война не закончилась из-за того, что мы взяли Нарвик.»



Солдаты Иностранного Легиона рядом с погибшими товарищами
tles.com/threads/a-tale-of-two-legions-the-french-foreign-legion-in-world-war-ii.376256/

Уход. 5 июня 1940 года

...Приказ был отдан. Полковник сам довел его до сведения команданта Бойера-Ресса (Boyer-Resses) и объяснил, как будет отходить 1-й Батальон, находившийся на передовой. Итак, мы вернулись в Нарвик – в «завоеванный город». Дрянная шутка! Нам будет трудно объяснить это легионерам, которым было сказано полковником, что «они выиграли первое сражение этой войны.» Они прекрасно знали, что мы находимся севернее всех остальных, что немцев оттеснили к шведской границе – еще один рывок, и они будут выброшены. Лучше всего будет не говорить ничего до последнего момента. Но как объяснить наш уход норвежцам, этим мирным и дружелюбным людям, этим мужчинам и женщинам, которые рисковали столь многим ради нас, солдатам, которые сражались на нашей стороне? Нет сомнений в том, что судьба Норвегии будет решена не на ее земле. Больше чем когда-либо было ясно, что главное сражение идет во Франции. Так или иначе, мы пришли к ним, они начали понимать после взятия Нарвика, что пришли помочь. Что они будут думать о нас теперь?

Множество мотоциклов с колясками ждало нас на разрушенной железнодорожной станции. На них мы спустились к месту погрузки на суда. В заливе было множество *пыхтелок*. Они стояли на якоре, но по какому-то таинственному сигналу, вероятно, исходившему от Даффа, они пришли в движение и приблизились к причалу...

Одно отделение за другим стали спускаться к судам. Каждый капитан следил за погрузкой своей роты. Каждому разрешили взять с собой только свой рюкзак. Мы оставляли на берегу боеприпасы, автомашины, мулов, 25-миллиметровки и даже ящики с ротными документами. Погонщики мулов не могли расстаться со своими друзьями. Они говорили с ними о чем-то по-испански (*вероятно, речь идет о солдатах из числа испанских*

республиканцев, недавно вступивших в Легион – ВК), гладили их, пели им прощальные песни и со слезами на глазах запрыгивали на пыхтелки.

Лефорт, ответственный за уничтожение брошенных на берегу материалов, получил ожог лица после одного из взрывов. Он предпринял яростную попытку затащить на борт свои мотоциклы, и ему удалось затолкать один из них на борт *пыхтелки*. «Когда ты доберешься до эсминца, тебя заставят выбросить его за борт,» - сказали ему. «Посмотрим,» - ответил он, и я полагаю, что он добрался вместе с ним до Франции.

Капитан Амилахвири громко протестовал против оставления своих 25-миллиметровок на берегу. «Я, скорее, выброшу их в море, - сказал он, - чем оставлю немцам хотя бы один затвор или ударник!»



Дмитрий Амилахвири (1906-1942). Офицер Легиона, уроженец России. Погиб в Северной Африке

<https://forums.spacebattles.com/threads/a-tale-of-two-legions-the-french-foreign-legion-in-world-war-ii.376256/>

Жители Нарвика, в изумлении от всего происходящего, спустились к гавани. Мы говорили им, что уходим на другие участки [боев], но они не были в этом уверены. Поблизости было слишком много судов, все началось слишком неожиданно, и они видели, как много всего мы бросаем. На нас навалилось тягостное чувство подавленной злости, и, кроме того, мы были обеспокоены новостями из Франции. В самом деле, если на отзывает верховное командование, если вся эта экспедиция оказалась ни к чему, то, должно быть, Франция отчаянно нуждается в подкреплениях, пускай это даже небольшая часть из 15 000 человек, которые вошли в Экспедиционный Корпус в Норвегии. В любом случае, Франция уже не могла продолжать присылать нам людей (что было бы немаловажным), а Британии были нужны ее корабли – она нуждалась в них отчаянно, в большей степени, чем мы могли себе это представить. Норвежская кампания стоила ее флоту больших потерь. Немцы постепенно приближались к нам, от фьорда к фьорду, остановить их было некому (хотя мы и не знали об этом в тот момент). Новости не доходили до нас, начиная с 13 мая.

В последний вечер полковник разрешил своим штабным офицерам принять приглашения посетить кого-то в городе. Когда мы возвращались домой, некоторые дети, поджидавшие нас, - не без надежды на какие-то подарки – спели для нас *Марсельезу*...

В полдень следующего дня, 6-го июня, полковник ступил на понтон. Он хотел быть последним человеком, покидающим Нарвик. После этого в городе и его окрестностях уже не оставалось ни одного француза...

Pierre Lapie. With the Foreign legion at Narvik. July 1942

François Kersaudy, Norway 1940. University of Nebraska Press, 1998



Нарвик. 13 июня 1940 года

<https://forums.spacebattles.com/threads/a-tale-of-two-legions-the-french-foreign-legion-in-world-war-ii.376256/>

Эдриан Картон де Уайрт (Adrian Carton de Wiart), генерал, командующий англо-французскими силами в районе города Намсус/Namsos

Вскоре после того, как первые немцы высадились в Норвегии, мы откликнулись на это полным отваги провалом при Нарвике. В середине одной из ночей я получил телефонный звонок с просьбой прибыть в Военное Министерство. До меня дошло: может, это связано с Норвегией, где я ни разу не был и о которой ничего не знал. Речь действительно шла о Норвегии, и я получил приказ отправляться туда немедленно, чтобы принять под команду *Центрально-Норвежский Экспедиционный Корпус/Central Norwegian Expeditionary Force*. К сожалению, я не мог взять с собой мою 61-ю Дивизию, поскольку в корпус вошли одна бригада и кое-какие случайные части вместе с французскими войсками, состоявшими из *Альпийских Стрелков/Chasseurs Alpains* под командованием генерала Оде (Audet). Эти войска направлялись в Намсус/Namsos.

Получив инструкции, я собрал вещи и улетел на следующий день, 13 апреля, в Шотландию. Нам предстояло лететь в Норвегию в тот же вечер, но нас задержала метель. Мы вылетели следующим утром на самолете *Сандерленд/Sunderland*.

Побережье Норвегии оказалось очень живописным с его горами, покрытыми снегом, но с точки зрения условий для ведения военных действий меня оно не привлекало, поскольку было очевидно, что для местности такого типа нужны специально обученные войска.

Мы прибыли в Намсус вечером и сразу же начали высаживать войска. Вскоре стало очевидно, что офицеры малоопытны в управлении людьми, хотя у них был первоклассный командующий - бригадир Филлипс (G. P. Fillips).

В Норвегии в это время года темнота наступает всего часа на три, и войскам в этих местах, засыпанных снегом, под наблюдением внимательного и бдительного противника, было непросто. Солдаты были полны желания делать то, что от них ожидалось, и они не только успешно высадились, но и успешно убрали все следы этой высадки. Немцы, которые прилетели на следующее утро, ничего не заподозрили.

Я приказал взять Трондхейм, когда нас поддержит флот. Дата не была обозначена, но я двинул войска к городкам Вердал/Verdal и Штайнсер/Steinkjer (оба рядом с Трондхеймом), откуда, не теряя ни минуты, рассчитывал атаковать одновременно с атакой с кораблей.

На следующую ночь нам пришлось высаживать французов. Хотя они были гораздо лучше обучены, чем мы, и умели заботиться сами о себе, они не избавились от следов высадки. На следующее же утро немцы увидели, что эти части сошли на берег, а французы раскрыли свое присутствие еще и тем, что обстреляли немецкие самолеты, что ухудшило ситуацию. Немцы ответили бóльшим количеством бомб, и за считанные часы Намсус превратился в развалины. Потери не были значительными, так как к этому времени мои войска ушли, а французы расположились за пределами города. Я отправился к линии фронта вместе с Питером Флемингом (*Peter Fleming - 1907-1971, журналист и писатель, брат известного писателя Яна Флеминга, в то время – офицер - ВК*) вскоре после начала бомбардировки, когда вернулись, от Намсуса мало что осталось...



Французские стрелки были превосходными бойцами и идеально подошли бы для нашего дела, но, по иронии судьбы, им не хватало двух вещей, из-за чего они оказались совершенно бесполезными. Я хотел, чтобы они двинулись вперед, но генерал Оде выразил сожаление в связи с отсутствием у них транспортных средств, поскольку их мулы так и не прибыли. Затем я предложил его лыжным подразделениям начать продвижение, но выяснилось, что у них нет каких-то очень важных лямок для лыж, без которых они не смогут двигаться дальше. В остальном их снаряжение было превосходным: каждый человек нес на себе около 60 фунтов и легко справлялся с этим грузом. Эти бойцы были бы незаменимыми, если бы я только смог их использовать.

Британские войска получили меховые шапки, специальную обувь и носки, чтобы бороться с холодом, но, если бы они надели все это на себя, едва ли они смогли бы сдвинуться с места и выглядели бы как парализованные медведи.

Что касается самолетов, артиллерии и машин, у меня с ними проблем не было, поскольку таковых у нас не имелось, хотя мы стали реквизировать те машины, которые могли. Техника для высадки с моря отсутствовала, и что еще хуже, суда, которые нам предоставили, были слишком крупными для доставшейся нам гавани. Как моряки умудрились войти в нее и выйти осталось тайной, недоступной пониманию пехотинца...

Гунны (*Huns – распространенное со времен ПМВ прозвище немцев – ВК*) разбомбили небольшие причалы, которые нам достались. Им это было просто в удовольствие, так как они не встречали никакого противодействия. На некоторых судах были зенитные пушки, и за несколько дней до эвакуации мне прислали несколько пушек *Бофорс/Vofors*. *Бофорсы*, в реальности, не сбили ни одного *гунна*, но им удавалось рассеивать их группы и досаждал им, в то же время в то же время приободряя нас в том смысле, что мы хотя бы могли пострелять по врагу. В один из дней в нас забрезжила надежда, так как каким-то чудом появившийся авианосец очистил небо от немецких самолетов и пробыл неподалеку несколько часов, но поскольку где-то тут были немецкие субмарины, он не рискнул оставаться близ побережья слишком долго и ушел в море, после чего несколько самолетов не смогли вернуться на него.

Мой штаб в Намсусе находился в одном из зданий, уцелевших после бомбежки, но я после нее я переместил его на небольшую ферму на южный берег реки Намсен/Namsen, где противник нас не беспокоил и откуда мне было легче добраться до передовой.

Через два или три дня после того, как мы заняли Штайнсер и Вердал, находившиеся милях в 40 от Намсуса, немецкий ВМФ добился своей первой и единственной победы на море, его эсминцы поднялись по фьорду Трондхейм и обстреляли мои войска. У нас были только винтовки и немного пулеметов *Брен/Bren*, какое-то количество 2-дюймовых дымовых минометных снарядов, и все это было бесполезным в той ситуации.

Войскам, находившимся в Вердал, пришлось особенно тяжело. Дорога проходила через город вдоль берега фьорда на виду у немецких эсминцев, и войскам пришлось уйти в заснеженные холмы, пробиваясь через сугробы толщиной в 18 футов после чего их атаковали немецкие лыжники. Нет сомнений, что мало кто из них уцелел бы, если бы не бригадир Филлипс, который справился с ситуацией.

Мы отошли на линию к северу от Штайнсера за пределы досягаемости немецкой корабельной артиллерии. Штайнсер находился под бомбами и огнем артиллерии, и стоит ли удивляться тому, что жители этих небольших городов страшно боялись нашего присутствия. Наши намерения были благородными, но наше желание принести спасение

им всем так или иначе привело к тому, что все эти бомбы свалились на голову местному населению. В то время меня раздражало их отсутствие интереса к нам, но потом я осознал, что незнакомые с ужасами войны люди были ошеломлены нашим вторжением, и у них не было времени прийти в себя...

Я все еще ждал новостей о предстоящем артобстреле наших кораблей, который должен был послужить сигналом к атаке на Трондхейм, но их не было. С каждым часом становилось все очевиднее, что при отсутствии нужной техники я был лишен возможности наступать на Трондхейм, и я не видел особого смысла в том, чтобы оставаться в этой части Норвегии, отсиживаясь словно кролик в снегу. В Военное Министерство я послал сообщение со своими выводами, но в ответ услышал, что по политическим причинам они будут удовлетворены тем, что я буду [просто] удерживать свои позиции. Я согласился, но сказал, что это примерно то, что мне по силам. Их это успокоило настолько основательно, что они прислали мне благодарность.

Теперь, когда мои шансы на взятие Трондхейма стали нулевыми, я послал Питера Флеминга в Военное Министерство, чтобы он узнал об их планах на будущее. Он вернулся через пару дней и сказал мне, что планы и идеи, касающиеся Норвегии, выглядят невнятными, и добавил: «Вы можете поступать, как считаете нужным, потому что сами они не знают, что им надо.»

К этому времени весь штаб прибыл на место, но я не был в восторге от этого. Они заняли много места, которого и без того не хватало, дел у них особых не было, и Питер Флеминг с Мартином Линдсеем (Martin Lindsay) вполне управлялись с тем, что я требовал от них, и делали даже сверх того. Нам к тому времени уже был придан наиболее полезный офицер – майор Делаком (R. DeLacombe), так что я чувствовал, что мы скоро превратимся в штаб без войны.

В течение этих последних дней мне предложили еще людей. Отсутствие места для их размещения и то, что моей единственной ниточкой для коммуникаций была одна-единственная дорога и функционирующая только время от времени короткая железная дорога, вынудили меня отказаться от них. Это были войска, которые я должен был бы раз иметь у себя под началом, поскольку это были поляки и части Французского Иностранного Легиона, но, если бы я принял их, эвакуация стала бы еще более затруднительной.

Несколько штабных офицеров были посланы на передовую в качестве офицеров связи, но я не думаю, что они сильно беспокоились о порученном деле, поскольку казалось, что у них сильны намерения отбыть отсюда как можно быстрее. Один из них был особенно забавным: он был настолько обеспокоен тем, что его самолет может улететь без него, что хотел дожидаться его в шлюпке у берега фьорда. Какой-то *гунн* сбросил бомбу на эту шлюпку, но отважный офицер не утонул и, в итоге, вернулся в Англию, где, должно быть, представил весьма красочный рапорт.

Мой находившийся при ферме штаб был местом, где были доступны развлечения и забавы, связанные с происходившим в воздухе. Мои новые штабные офицеры раньше не встречались с воздушными трюками, которые *гунны* демонстрировали в воздухе, и были страшно напуганы, когда немецкий самолет спустился на очень небольшую высоту над дорогой и обстрелял нас из пулеметов. Вообще, это любого выведет из равновесия и любому испортит настроение, когда тебя осыпают [пулями] с самолета, летящего прямо на тебя, и требуется много времени, чтобы привыкнуть к этому.

Как только мы обустроились на новых позициях, из Военного Министерства и обратно понеслось множество телеграмм. Сначала эвакуируйся, потом оставайся на месте. Потом опять эвакуируйся, затем неожиданно было предложено отступить к городку Мушён/ Mosjøen, расположенному в сотне миль к северу от Намсуса. Я знал, что дорога туда засыпана глубоким снегом и будет непроходимой для пехоты, не видел оснований для

такого марша и телеграфировал об этом в Военное Министерство. Одновременно с этим я послал Питера Флеминга и Мартина Линдсея, чтобы они оценили эту дорогу, проехавшись на машине. У них заняло 12 часов проехать 40 миль.

Я уверен в том, что в Военном Министерстве меня сочли некомпетентным из-за того, что я был против их предложения, но в тот момент я чувствовал, что такой марш можно осуществить только по карте.

Опять пришли приказы об эвакуации, и на этот раз я начал действовать в этом направлении. Генерал Оде приехал ко мне и стал умолять не оставлять его части в качестве последних при посадке на суда. Он, казалось, был очень обеспокоен, и, когда я стал убеждать его в том, что ни один британский солдат не взойдет на борт, пока все французы, не погрузятся на суда, он едва не бросился меня обнимать, и сказал, что я – *un vrai gentleman* (фр. – *настоящий джентльмен* - ВК).

Постепенно мы отошли к Намсусу, где нам предстояло сесть на суда. Эвакуация должна была состояться в течение двух ночей. Я намеревался отправить французов в первую ночь, и они спустились к берегу в сумерках, чтобы дожидаться посадки. Мы ждали, но не подошло ни одного судна. От военных моряков не было никаких известий, и я должен признать, что нервничал. Непосредственно перед рассветом я должен был вернуть войска на прежние позиции, расстроенными и подавленными, дожидаться следующей ночи.

Я волновался все сильнее и сильнее, когда г-н Чемберлен сказал Палате Общин, что войска генерала Пэджета (Paget) были эвакуированы из городка Ондалснес, превратив меня в богом забытый камешек на пляже. Я остался сам по себе против всей мощи Германии.

В самый последний, тянувшийся бесконечно день я получил сообщение от военных моряков о том, что они эвакуируют все мои войска в ближайшую ночь. Я думал, что это невозможно, но через несколько часов понял, что для флота такого слова не существует.

По-видимому, над морем стоял густой туман, о чем мы на берегу не подозревали, и из-за этого они не подошли к берегу в предыдущую ночь, однако Лорд Маунтбеттен сумел как-то нащупать путь через гавань, и другие корабли последовали за ним. Это было грандиозным предприятием – погрузка всех войск за одну ночь всего три часа длиной, но флот сделал это, и я остался благодарен ему навсегда.

Когда забрезжил рассвет, немцы заметили, что мы покидаем фьорд, и на нас набросились бомбардировщики. Мы потеряли [эсминец] *Afridi* и французский эсминец. Я избежал гибели в море. [Перед эвакуацией] я попросил, чтобы меня посадили на *Afridi*, но мне сказали, что в ту ночь он не придет. Когда я узнал, что он, все-таки, пришел, я снова попросился на него, однако мне сказали, что мои вещи погрузили на крейсер *York*, и будет лучше, если я отправлюсь на нем. Так я и сделал...

В день моего 60-летия, 5 мая, мы прибыли в Скапа Флоу ровно через 18 дней после того, как ушли оттуда [в Норвегию]. Командир [крейсера] *York* Портал (Portal) решил, что это – наиболее подходящий случай, чтобы распить бутылку шампанского...

The Mammoth Book of HOW IT HAPPENED. WORLD WAR II. Edited by Jon E. Lewis. London, 2002

Джордж Парсонс (George Parsons), родился в Бирмингеме в 1919 году



обвенчались.

Мне стоило немалых трудов пробиться в Фузильерский полк, так как моя профессия относилась к числу необходимых в тылу. Я дважды прошел подготовку в военных лагерях с Королевскими Фузильерами/Royal Fusiliers, во втором из них я был в тыловом отряде, но во втором мы получили винтовки, противогазы и прочее снаряжение, дела стали приходить в порядок, потому что люди знали, к чему все идет.

Потом нас отправили обратно по рабочим местам, и, я думаю, дня через два началась всеобщая мобилизация, и нас опять собрали в Balham. Там мы провели две ночи, затем меня отправили в зону отдыха *Ice Rink* городка Стритэм/Streatham, где рядом была церковь, - там собирались разные подразделения, и мы провели там от 4 до 5 недель. Там я встретил мою жену Сильвию, и в той церкви рядом с катком мы

После этого мы отправились в Сассекс, в место под названием Натмир-?/Nutmere, где мы участвовали в учениях. Я стал сапером, помню еще, что был на курсах химзащиты. Затем мы вернулись и долгое время копали систему траншей, полноценную систему траншей, со всей облицовкой и настилами, и нам пришлось жить в этих траншеях целую неделю.

По субботам мы сидели в казармах. Увольнительных не было, тогда мы сбивались в отдельные группы. Мы не знали, куда нас отправят, и нам говорили, что шанс вернуться будет равным 1 из 10, что мы отправляемся туда, где не будет никаких сил поддержки и нет планов на эвакуацию. Я вызвался отправиться туда добровольно, и одним воскресным утром мне сказали, что я оказался среди тех, кого выбрали для этого, так что нас, таких вот, усадили на грузовик. Наш полковник сказал: «Ну, Джордж, ты ищешь приключений, и, вероятно, ты их найдешь, где бы ты ни оказался.»

Мы отправились в [приморский городок] Бей Сент-Мэри (*St Mary's Bay в графстве Кент - ВК*) и оказались в чем-то, напоминавшем лагерь для отдыха. Нас представили нашему новому командиру. Это был майор Педди (Peddy) из Манчестерского Полка. Утром нас кинули в 25-мильный марш-бросок вокруг болот Ромни Марш/Romney Marsh (*болотистая низина в графствах Сассекс и Кент – ВК*). Любой из заработавших мозоль или что-то в этом роде или почувствовавший себя плохо отправлялся назад. Так нас рассортировали.

На следующий день нас усадили на грузовик и отвезли на станцию, где мы пересели на поезд, идущий в Гурок/Gourock в Шотландии. Там нас ждал транспорт *The Ulster Prince*. Нам пришлось хорошо потрудиться на загрузке судна, мы разглядели в грузах тропические шлемы и всякое такое, так что похоже было на то, что нас отправляют в какую-то жаркую страну. Мы загрузили судно и взяли курс на Пентланд-Фёрт/Pentland Firth (*пролив в Шотландии, между островом Великобритания и Оркнейским архипелагом – ВК*), далее прошли через Скапа Флоу/Scapa Flow, и тогда нам сказали, что мы направляемся в Норвегию.

Мы оказались в 5-й Отдельной Роте (5th Independent Company), одной из 10 отдельных рот, из которых использовали только 5. Нам сказали, что немцы высадились в Норвегии. На север вела только одна дорога, но нашей целью было не удержание какого-то основного участка, а железная руда Нарвика – важнейший местный товар, который был так нужен немцам. Наша часть получила кодовое название *Ножницы Номер 5/Number Five Scissors*, и мы никому не должны были об этом говорить...

Нам сказали, что нас высадят как можно ближе к немецким позициям. Наше путешествие было весьма нелегким. Море было довольно бурным, и наш груз начал елозить(смещаться). Дошло до того, что нам пришлось собраться у одного из бортов,

чтобы удержать судно на плаву. Волнение было таким сильным, что каждый, я думаю, заработал морскую болезнь, и я помню, что одним утром я встал с койки и сказал: «Пойду доложу, что я болен.» Еще несколько парней доложили об этом, и неожиданно нам сообщили, что «по этому поводу не будет никаких поблажек. Встаешь и идешь работать.» Ну, мы стали делать то, что нам полагалось: бегать к поручням, [блевать], бежать обратно и делать свое дело.

Так мы стали приближаться к Норвегии. Никому не было дано разрешение выходить на носовую бак, поскольку волны были такими, что захлестывали ее. Нам сказали, что нас высадят в месте под названием Мушён/Mosjøen, непосредственно к югу от Полярного Круга. Нам выдали сухие пайки, спички и все такое прочее. Нас так швыряло, что я ударился о переборку и почувствовал себя настолько плохо, что уже ни о чем не беспокоился. Да пусть хоть вся немецкая армия там окажется ... Я просто настолько отвратительно себя чувствовал.

Высадка оказалась большим приключением, полным нестыковок. Мы высадились в Му-и-Рана и, представьте себе, что мы почувствовали, когда увидели напротив себя возвышавшуюся над нами покрытую льдом гору высотой до 2 000 футов – мы, пацаны из Южного Лондона, которые раньше никогда не видели гор, а многие никогда раньше и в море-то не бывали. Мы высадились, на берегу оказалась довольно большая группа людей. Там был [Французский Иностраный Легион], и мы начали понемногу с ними переругиваться... Шкипер судна орал на нас, требуя, чтобы мы побыстрее все разгрузили, потому что боялся налета бомбардировщиков.

В итоге мы разобрались со своим грузом, после чего нам сказали начать восхождение на ту самую гору, так как немцы, по-видимому, находятся внизу на противоположном склоне, насколько это было известно по разведанным. Мы начали подъем, и, поднимаясь в гору, я почувствовал, что меня одолевает *горная болезнь* – мне казалось, что гора падает на меня. Однако мы забрались на вершину, нашли старую ферму, вроде свинарника, и в нем расположились. Темнота не наступала. Мы видели сумерки, когда покидали Скапа Флоу, после этого темного времени дня мы не видели. Утром нас собрали, а потом послали разведывательные патрули на поиски норвежских частей в округе.

Мы несколько раз выходили на патрулирование. Те, с кем мы столкнулись напоминали наше ополчение (Home Guard), но, по-видимому, у них не было офицеров. Помню, как мне приходилось тащить тяжелые ящики с боеприпасами три или четыре мили, а потом еще затаскивать их на вершину, где были наши позиции. Позиции были на высотах, с них просматривалась излучина дороги – довольно удобная точка для засады. На протяжении нескольких часов ничего не происходило. Было какое-то замешательство: что делать дальше. Мы не слышали никакой стрельбы. Затем появились мотоциклы с колясками, потом подошла основная колонна [противника], и тут началось. Они быстро развернулись, заняли позиции на буграх на противоположной стороне дороги, после чего на протяжении двадцати минут, может получаса, продолжался довольно ожесточенный огневой бой. Полагаю, что я вошел в эту половину часа молодым 19-летним пареньком, а вышел из нее мужчиной, хорошо обстрелянным, потому что тогда я впервые понял, насколько тут высоки ставки...

На той стороне на вершине бугра засели пулеметчики, и мы сконцентрировали огонь на них. Через несколько мгновений выстрел из противотанкового ружья попал в парня, который шел, и, должно быть, нес боеприпасы. Его просто разнесло в клочья единственным выстрелом. Однако затем положение наше стало более тревожным, потому что опыта у нас не было, и мы не знали, что за первой линией немцев находятся лыжники, а нам противостоят опытные горные стрелки.

Тревожный момент наступил, когда оказалось, что, обойдя нас, они заходят нам в тыл. Ситуация была серьезной, потому что мы не знали, что нам делать. Но от нас вниз уходила

узкая расселина, достаточно широкая для того, чтобы мы по одному стали спускаться по ней со всей выкладкой. Вражеские пули теперь летели у нас над головами.

Мы отошли, укрылись за скальным выступом и собрались вместе. Теперь главной нашей задачей было добрать до Му-и-Рана, потому что нам раньше говорили, что саперы собираются взорвать мост, а это означало, что мы можем оказаться в ловушке. Что ж, впервые в жизни я несся с такой скоростью, словно в горячке. Мы просто спасали свои жизни. Потом мы остановились где-то, и я помню, что умирал от жажды, но воды под рукой не было. Я зачерпнул горсть снега и уже собирался отправить ее в рот, когда какой-то парень из Иностранного Легиона поделился со мной водой и объяснил, что есть снег вредно для горла.

С нами было двое пленных немцев, и нам приказали отвести их на ферму и присмотреть за ними, пока не скажут, что делать с ними дальше. Так что мы отвели этих двух немцев туда, где на ферме было что-то вроде кухни. Мы все еще слышали, как где-то шел бой, но на каком-то расстоянии от нас. Я поговорил с напарником и сказал ему: «Знаешь, я думаю, они приближаются. Если не проявим предусмотрительность, сами окажемся в плену. Не знаю, что и делать...» Мы согласились на этом, потихоньку выбрались оттуда, оставив пленных. Набредли на кого-то из наших – эти парни тоже пытались убраться подальше. Майор Скофилд сказал: «Все идем в Му.»

Сформировали что-то вроде боевой группы, но так и не дошли до цели, потому что толком не знали, куда идти. У нас были только туристические карты, никаких военных топографических карт у нас не было. Мы знали, что немцы ищут нас. Мы бродили почти неделю и потеряли все, что у нас было, - мы побросали все снаряжение и припасы, и поэтому ходили голодными...

Полагаю, нас осталось человек 15. Мы пришли к выводу, что не знаем, где находится Мо, так что нам остается идти к побережью. Дошли до побережья, раздобыли где-то еды, и тут кто-то заметил немецких солдат на другом конце причала. Майор Педди, который был с нами, приказал спрятаться на рыбацком судне, и мы надолго засели в трюме, в то время как Педди и другой офицер оставались наверху. И тут с неба начали спускаться парашютисты. В то время мы понятия не имели о парашютистах. Они приземлялись совсем рядом, избавлялись от парашютов, и мы уже было решили, что попались. От этих причалов идти было некуда, и мы решили, что скажем капитану судна, чтобы он вывел его в море. Однако начался скандал - капитан стал спорить с нами, потому что рядом с побережьем проходило сильное течение, и в море выходить было опасно. Короче, капитан отказался. Мы подумали, что это, вероятно, просто отговорка. Помню, кто-то сказал: «Ткните ему винтовкой в спину и заставьте двигаться.» Так и случилось...

Мы ушли из этой бухты и сошли на берег близ Будё. Оттуда мы добрались до места под названием Фауске/Fauske, где встретили остальных ребят из Отдельной Роты. Там оставались довольно долго. Мы ушли в горы, чтобы не подвергать опасности местных жителей. Норвежцы предупредили нас о том, что видели, как высаживаются парашютисты. Мы выслали разведку, но никого не нашли, однако наступил день, когда над фьордом появилась большая летающая лодка. Ее мотор захлебывался, было видно, что у них проблемы. Лодка села на воду и скрылась за небольшим мысом. Мы сели на рыбацкое судно и направились туда, но стоило нам обойти мыс, до нас донесся треск пулемета, мотор лодки взревел, и она поднялась в воздух. По счастью, никто не пострадал, но, очевидно, это была разведка. Вскоре после этого Фауске бомбили. Я помню, как рядом со школой взорвалась бомба. Мы загнали детей в какой-то зал, и я хорошо помню их визг... Позднее мы узнали, что в городе после бомбежек уцелел только один дом.

Для нас пришло время уходить, так как пришел приказ двигаться к шведской границе, чтобы дать там последний бой. Дальше мы отступать не собирались. Мы ушли и позднее встретились с нашими – я не помню, кто это был, Шотландские или Ирландские Гвардейцы.

Мы заняли боевые позиции. Мое место оказалось рядом с кладбищенским памятником, оттуда открывался вид на фьорд. Немцы были на противоположном берегу на расстоянии выстрела. Прождали мы целую ночь (думаю, это была ночь), и тут поняли, что что-то происходит: офицеры собрались вместе. Пришло известие о том, что мы оставляем Норвегию.

Мы были в 9 милях от шведской границы и сами по себе. Решено было возвращаться тем путем, который был нам знаком, в Будё, где, как мы знали, находится штаб. Мы начали свой марш, но из-за обстрелов с воздуха стало понятно, что далеко мы не уйдем, поэтому пошли по горам, длинным путем. В итоге мы добрались до Будё, который был под бомбами. Мы спрятались в развалинах рядом с причалами. Пришел корабль, чтобы взять нас на борт. Нам сказали: «Когда вас позовут, бегите – у вас столько-то секунд на пробежку. Бросайте винтовку морякам и сразу же ныряйте вниз. Если будет налет, эсминец уйдет, но потом вернется.» Корабль был к тому времени сильно поврежден.

Мы забрались на корабль за свои сорок секунд. Потом был еще один переход по бурному морю. Мы были на нижней палубе, нам раздали горячий шоколад или какао, и почти всех вывернуло. Мы высадились где-то в районе Нарвика, когда думали, что были на пути домой. Оттуда мы совершили тяжелейший марш через горы, когда сильным пришлось помогать слабым. На мне было две пары носков, и позднее, когда я снял их, они слезли вместе с кожей...

Потом мы сели на небольшой паром, который отвез нас в Харстад, где кого только не было: Иностранный Легион, французы, норвежцы. Казалось, там собрались все, кто хотел выбраться оттуда и продолжить сражаться. Мы пробыли там с неделю. Я еле-еле ходил после того марша. Затем нас посадили на транспортное судно, с которого в море пересели на большой лайнер *Lancastria*. После всех испытаний и мытарств под открытым небом мы были поражены, увидев койки, чистоту и красоту, ресторанные палубы...

Нас высадили в Гумроке. Я помню, что, когда я вернулся, на мне была женская блузка, которую я стащил с бельевой веревки в Норвегии, и пара старых брюк, да и остальные вещи были в том же духе. Я оброс бородой, и выглядели мы так дико, что местные в нас швыряли бутылки и всякую дрянь, потому что думали, что мы – немецкие военнопленные...

<https://war-experience.org/lives/george-parsons-pioneer-corps/>

Том Кэррол (Tom Carroll) родился в городе Дюкинфилд/Dukinfield, графство Чешир. Он записался в Бригаду Гвардейцев (Brigade of Guards) в 1939 году после смерти родителей, планируя поступить на службу в полицию после прохождения обучения

В начале января 1940 года меня перевели во 2-й Батальон Ирландских Гвардейцев, которые располагались в Веллингтонских Казармах/Wellington Barracks. В начале марта командование сочло, что 1-й Батальон пора отправлять за моря, и выдали солдатам тропическое снаряжение. Все ушли в отпуска на две недели до отправки за моря, а в последнюю минуту в батальон записали и меня. Мы загрузились на судно в Гриноке, и первое, что сказал полковой главный сержант, было следующим: «Так, всем построиться на палубе. Откройте свои ранцы и будьте готовы к тому, чтобы избавиться от всего этого.» После этого у нас все забрали, а потом вытащили другое снаряжение. Мы не поняли: «А это что за куча?» Нам выдали дополнительные тужурки, жилеты, толстые длинные брюки. Теперь каждому полагалось 12 пар носков, шерстяные были аж до колен. Балаклавы, свитера, перчатки, здоровенные шинели с большими кнопочными застежками, меховые шапки. Мы подумали: «Так, должно быть, мы направляемся туда, где температура ниже нуля.»

Мы вышли в открытое море и присоединились к конвою, который зигзагами ходил по Атлантике 12 дней, а потом вернулся, после чего переместился немного на север. Мы высадились в самой северной части Норвегии близ Полярного Круга. Место называлось Харстад – небольшой рыбацкий городок во фьорде. Когда мы высадились, нам сказали, что нам нужно акклиматизироваться, привыкнуть к крайне холодной погоде. Хотя было начало марта, погода была довольно морозной. Когда падал снег, вы могли пройти по нему в одну сторону ярдов 20, повернуться, вернуться назад, а еще через 5 минут пойти по тому же пути и не увидеть отпечатков своих ног, утопая в снегу.

Мы пробыли там около трех недель. Затем нам сказали, что мы отправляемся дальше, чтобы сменить Шотландских Гвардейцев, которые в тот момент ожесточенно сражались с немцами, наступающими на север, но не сумевшими выйти к Нарвику. Мы отплыли на лайнер *Shrewsbury*, здесь мы смогли раздеться и лечь на койки – до этого, прибыв в Норвегию, мы все время провели в одежде. В полночь прилетел *Хейнкель* и обстрелял судно, а потом сбросил несколько бомб, которые, к несчастью упали между мостиком и первой трубой. Взрывы разнесли моторное(машинное) отделение, на судне начался пожар. Погибли капитан судна и все наши старшие офицеры. Всех солдат собрали в носовой и кормовой частях судна, подошли два эсминца из эскорта, и мы стали перепрыгивать со второй палубы лайнера на палубу эсминца, которая была футов на 12 ниже. Военные моряки были довольно сноровистыми: они взяли один или два гамака и стали использовать их в качестве *сетки пожарного*, а мы стали спрыгивать на них. Один или двое парней подвернули лодыжки и что-то в этом роде, но таких было мало.

Затем мы вернулись в Харстад. Мы было подумали, что раз мы потеряли нашего командира, подполковника, двух майоров и всех четырех ротных командиров, мы теперь не сможем воевать. Однако через три или четыре дня к нам пришли новые офицеры, и мы вновь вышли в море и прибыли в место под названием Будё. Мы поднялись на вершину горы, заняли там позиции и окопались.

Через 24 часа мы начали перестрелку с немцами. У нас появились потери, затем мы получили приказ на отход. На берегу не оказалось каких-либо судов, готовых подобрать нас, так что нас ждало долгое отступление. Мы маршировали более суток без остановки и прошли около 60 километров. В той части Норвегии есть только горы с дорогами, огибающими их по подножиям или вдоль побережья. У нас был отряд саперов, которые взрывали каждый мост, по которому мы переходили, где-то около 18 мостов.

Добрались мы до какого-то порта, думаю, это был Будё, и там мы сели на судно. К тому моменту, когда судно выходило из гавани, появились немцы на мотоциклах с установленными на них пулеметами. Должно быть, у них были хорошие саперы с мобильными мостами, которые они перебрасывали через всевозможные препятствия. Пули из немецких пулеметов стали осыпать наше судно...

Мы добрались до Харстада, откуда были эвакуированы на [лайнере] *Lancastria*...

<https://war-experience.org/accession/01-1210/>

Ernest Sampson (Эрнест Сэмпсон). Родился в 1920 году в Лидсе. В апреле 1939 года записался в Местный Армейский Резерв (Territorial Army), зная, что скоро начнется война



Я пошел служить, потому что хотел оказаться в *RASC* (*RASC - Royal Army Service Corps - Служебный корпус - представлял собой корпус британской армии, отвечающий за транспорт, администрирование казарм, пожарную службу армии, штабные подразделения штаба, снабжение продовольствием, водой, топливом и бытовыми материалами - ВК*). Отец мой в прошлом служил в пехоте, и после его рассказов меня не тянуло в этот род войск. Я тогда думал, что иметь под собой колеса будет лучше...

Меня призвали 1-го сентября. Мы явились в гараж в Лидсе. Нашу роту разделили на несколько частей, и каждую прикрепили к самостоятельному военно-медицинскому подразделению. Я попал в 147-й Медсанбат, относившийся к шеффилдскому Армейскому Резерву. Мы находились в Боробридже/Boroughbridge, сразу за окраиной Лидса. Санитары жили в самой деревне, а мы в одном из зданий в миле от деревни. Я служил в транспортном подразделении медсанбата. Мы ждали прибытия армейских автомобилей, санитарных фургонов и всего такого – нас оснастят всем этим полностью уже в 1940-м. До этого мы пользовались реквизируемыми гражданскими машинами...

Думаю, у нас было пять трехтонников и, вероятно, шесть фургонов, три мотоцикла и 2 или 3 штабные машины. Было нескучно. Нам приходилось проходить кое-какую подготовку, но, на той стадии, без особого напряжения. Я исполнял обязанности связного, мы выезжали в составе специальных колонн, и трое из нас, связных, были ответственными за поддержания порядка в колонне и обеспечения того, чтобы никто не потерялся.

Мы получили новые армейские машины в Норталлертоне/Northallerton в марте 1940-го. 14 апреля 1940 года мы покинули Шотландию и 20-го высадились в Харстаде, находившемся примерно в 300 милях севернее Полярного Круга. До 10 мая мы не могли получить наши машины, которые должны были прийти на другом судне. Когда же мы получили наши машины – санитарные фургоны – дороги стали непроходимыми для них, так что эти машины так и не выехали из Харстада.

Там был полный хаос. Информации было очень мало. Никто не знал, кто и где находится и как все работает. Как я могу это охарактеризовать? Просто работаешь день за днем, не имея понятия о том, что происходит... Один из сержантов отрядил меня во Французский Иностраный Легион, дислоцированный в Бьерквике/Bjerkvik. Карт у нас не было, так что мне дали устные инструкции, как до них добраться, а было до них миль 60.

Там я стал связным, поддерживал контакты между взводами и штабом. Французский язык мне был не нужен. Все было на английском. Удивительно, как много из них говорило по-английски. Я оставался с ними до 7 июня. У меня сложились хорошие, очень хорошие отношения с ними. Не было со мной такого, чтобы я куда-то прибыл и мне бы не дали здоровенную кружку кофе с добавкой рома.

Они постоянно были в соприкосновении с немцами. Я присоединился к ним в Бьервике, где они только-только высадились с боем. Оттуда мы двинулись вниз вдоль полуострова (*вдоль восточного берега фьорда – ВК*) и, в итоге, вышли к Нарвику после того, как его обстреляли наши корабли. Немцев оттеснили практически к шведской границе, когда мы получили приказ об отступлении, и так мы и сделали, вечером 6-го и рано утром 7-июня. Мы покинули побережье на судах, которые прозвали *пыхтелками* – небольшими рыбацкими посудинами – а потом взошли на борт нескольких эсминцев. Дело было ближе к полуночи, после чего мы вышли в открытое море, где эсминцы пересадили нас на войсковые транспорты.

Настроение у всех было не бог весть какое, потому что немцев отогнали, практически к шведской границе, и мы уже были готовы пересечь ее, чтобы немцев задержать там до

конца войны... А нас отвели да еще просто приказали держать язык за зубами, потому что не хотели, чтобы норвежцы знали о том, что мы уходим. Я думаю, нам приказали уйти, в основном, потому, что началась эвакуация из Франции. Я все еще был на одном судне с парнями из Французского Легиона, и ожидали, что отправимся во Францию, тогда как прочие британские войска направлялись в Шотландию. Однако к тому времени, когда мы пришли в Шотландию или были на полпути, Дюнкерк закончился, так что и мы высадились в Шотландии где-то 14 июня...

<https://war-experience.org/events/the-1940-norway-campaign/>

Томас Мэйсон (Thomas H. Mason – 1920-1998). В 1938 году добровольно записался в полк Шотландских Гвардейцев. После Норвежской кампании в боевых действиях участия не принимал

Страницы из дневника – апрель – июнь 1940 года

15 апреля в 3 часа дня сошли на берег с эсминца в Харстаде после 8 дней в море. После одного спокойного дня всю вторую половину 16 апреля нас бомбили немцы. Помещение, в котором мы остановились, было небезопасным, и около 9 вечера мы собрали свои вещи, покинули его и ушли за холм через сугробы толщиной в 8 футов. Устроились в каких-то пустых домах, где провели следующие 15 дней. В этот период времени мы построили огневые точки со стенками из снега, и кто-то находился там днем и ночью. За это время нас много раз атаковали с воздуха. Потом, в следующий вторник [30 апреля], мы получили приказ оставить эту позицию.

Мы взошли на борт эсминца *Delight* около 8.30 и отплыли в 9.00, нашим пунктом назначения было место под названием Ханлин/Hanlin. Мы высадились там в четверг 2 мая. После четырехчасового марша по заснеженным и обледеневшим дорогам под ярким солнцем (там никогда не бывает темно в летние месяцы) мы прибыли к цели. В 2 часа ночи в пятницу 3 мая мы расставили часовых. Устроились мы в местной школе, но не забыли окопаться. Все шло более-менее, если не считать воздушных налетов, однако противник не сумел разглядеть наши позиции. Нас подняли по тревоге одной ночью: кто-то сидел за деревом на вершине холма за зданием, где мы жили. Два сержанта и трое солдат (включая меня) вышли разведать, в чем дело, но, когда мы добрались до макушки холма через сугробы толщиной около 7 футов, этого человека уже не было... мы пошли по проложенной им лыжне, но потом след резко оборвался на склоне горы.

Мы вернулись к себе. Много раз потом мы паковали и распаковывали свои рюкзаки, но в итоге, в субботу 11 мая, тронулись в путь. Мы вернулись в Ханлин, где взошли на борт [крейсера] *Enterprize* и отплыли, на этот раз в Му-и-Рана. Высадились 12-го в воскресенье в 5.30 утра. Мы потопили немецкий транспорт перед тем, как подойти к Му-и-Рана. Далее были на марше три часа, покрыли значительное расстояние и заняли позиции в рощице на склоне горы. В ту ночь пошел густой снег, мы залегли на этом склоне, промерзая до костей. Утром 13-го, в понедельник, погода улучшилась, вышло солнце и стало очень тепло. Снег начал таять, и мы использовали эту возможность для того, чтобы устроить себе укрытие для сна, пока вторая половина нашего отделения стал окапываться.

После полудня мост на противоположную сторону фьорда, рядом с которым мы были, был заминирован нашими саперами. Ближе к ночи мы увидели первых из норвежских солдат, отступающих через наши позиции. Они были разбиты в недавнем бою... Около 11 часов я почувствовал, что заболел и отвратительно чувствовал себя всю ночь. Во вторник 14-го меня отнесли на R.A.P. (*Regimental Aid Post – Полковой Медицинский Пункт - ВК*), где пробыл пару дней...

... Утром над нашими позициями много раз появлялись самолеты-разведчики противника. В начале ночи военные корабли обстреляли позиции противника и нанесли ему большой ущерб. Ранним утром 15-го, в среду, вражеский истребитель понесся над крышами медицинского пункта и обстрелял отступавших норвежцев. Он вернулся в 6.30 вечера и был сбит нашими зенитчиками. Задний стрелок выбросился с парашютом до того, как самолет врезался в склон горы и взят в плен. Пилот застрял в кабине... Вскоре после этого я вернулся к своим.

Утром 16-го был замечен вражеский гидроплан, прилетевший искать истребитель, который мы сбили прошлым вечером. Позднее транспортный самолет противника был сбит зенитным огнем и упал во фьорд. Мост взорвали после полудня наши саперы. В пятницу 17-го в небе находилось большое количество самолетов противника. В тот день было очень жарко. Около 3.30 после полудня мы впервые увидели врага. Немцы попытались продвинуться вдоль дороги, переправились через фьорд, но вскоре мы уgomонили их. Те, кто пытался переправиться через фьорд, увязли в грязи и стали легкими мишенями. Мы не видели их больше до 9 вечера, когда они начали новую атаку на нашем левом фланге. С того момента бой приобрел партизанский характер: они прятались между деревьев, так что могли подходить к нам на довольно близкое расстояние и использовать свое автоматическое оружие. Ожесточенная схватка продолжалась до 5 утра 18-го, после чего они отрезали нас с трех сторон. Мы получили приказ отступить...

Нас было две роты против двух дивизий противника. Наш единственный путь к отступлению простреливался пулеметным огнем [немцев], и нам было очень непросто прорываться сквозь него. Потом мы стали карабкаться на гору и выбили немцев из каких-то окопов. Мы попали под вражеский артиллерийский огонь, но обошлось без потерь. Вообще, из нас осталось только 20 человек, но позднее мы встретили большее количество своих. Отступив на значительное расстояние, мы заняли новые позиции, но с большим трудом боролись со сном: мы не спали несколько дней. Положение было безнадежным, нам противостояли превосходящие силы врага, и мы вновь стали отступать. После 14 миль непрерывного марша мы дошли до места, где было назначено место сбора. Мы оставили все свое снаряжение на первой позиции, так что нам не пришлось тащить на себе большой вес. Мы проспали на дорожной обочине всю ночь. В воскресенье утром, 19-го, после кружки горячего чая, мы снова тронулись в путь. Противник наступал нам на пятки. Я был близок к тому, чтобы свалиться, когда меня подобрал грузовик. 20-го в понедельник мы добрались до того места, где базировались раньше. После небольшой порции горячей пищи я проспал 12 часов...

Ночью пришло сообщение о том, что противник приближается. В 10 вечера мы сели на автобус, на котором поднялись выше снежной линии. В 4.30 утра 21-го мы заняли позиции близ водопада. Противник появился уже вскоре, и разгорелся еще один ожесточенный бой. 23-го мы еще удерживали позиции, но ночью нам опять пришлось отступить. Рано утром 24-го, в пятницу, примерно в 3.30 утра, несколько наших под командой сержанта Лэрда (Laird) оставили роту.

Мы задержали норвежский грузовик и на нем добрались до паромной переправы в Ронане. Там мы нашли пустой дом, и еще нам повезло: мы раздобыли хорошей еды. После полудня мы забрались в какой-то сарай, где хорошо отоспались. В ранние часы 25-го, в субботу, пришел весь батальон, мы воссоединились со своей ротой и на пароме переправились в Хопен/Нореп. Там мы раздобыли транспортные средства, чтобы уйти на нем в горы и там передохнуть несколько, так как нас сменили Ирландские Гвардейцы.

В 8.30 утра 29-го, в среду, мы снова отправились в путь, чтобы сменить Ирландских Гвардейцев. В 3 часа дня мы заняли позиции примерно в 8 милях от Будё. Приказ был продержаться там два дня. В четверг вечером Рота В вступила в бой, и противник отошел. В пятницу 31-го, в 7.45 вечера, мы оставили позиции, так и не увидев противника, и отправились в Будё, где в полночь нас должен был подобрать корабль. Пока мы были в горах, вражеская авиация сровняла Будё с землей.

В час ночи, в субботу, 1-го июня мы покинули гавань Будё на эсминце *Delight*. В 12.30 мы подошли к небольшой деревушке, расположенной в нескольких милях от нашего первого пристанища в Харстаде. Там было спокойно, еще прибыли французы и другие наши части. В 6.30 утра 6-го мы снова взошли на борт крейсера *Enerprise*, который выше в море, где мы пересели на войсковой транспорт *Franconia* в 10 утра. Вскоре мы тронулись в путь. В субботу 8-го в 11.15 утра нас бомбили, но ущерба никакого не было. 11-го утром мы высадились в Гумроке и сели на поезд, идущий в Коутбридж/Coatbridge. Так закончилось это приключение, которое не должно было начинаться...

Лейтенант Патрик Дэлзел-Джоб (Patrik Dalzel-Job, 1913-2003), один из немногих британских офицеров, владевших норвежским языком, прибыл в Норвегию на крейсере *Southampton* вместе с двумя ротами Шотландских Гвардейцев



Ни один из других офицеров, находившихся на борту, от генерала и ниже, не знал ничего о стране, где они собирались воевать, ничего не было подготовлено для высаживающихся войск, никто из офицеров или солдат не знал ничего о войне в зимних условиях...

Когда я сказал, что в Северной Норвегии нас ждут глубокие снега в это время года, сначала мне никто не поверил. Сначала все штабные офицеры встревожились, поскольку *Экспедиционный Корпус* вез с собой автомобили и велосипеды, но при нем не было лыж или снегоступов, не было людей, обученных их использованию. Кроме того, не было белых маскхалатов.

[Позднее] я ни разу не встретил ни одного французского или британского офицера, который мог бы произнести норвежского название для здешних мест, и ошибки, и задержки, связанные с неточностями в передаче сообщений, были постоянной проблемой.

Рядовой Джозеф Кайнок (Joseph Kynoch), 1-й Батальон Лестерского Полка

Даже простые перемещения были затруднительны для британских войск, окруженных со всех сторон поросшими густым лесом горами, замерзшими озерами и бесконечными снегами... К полудню в апреле снег уже словно болото, к ночи он замерзает.

[По ночам] мои руки покрывались рубцами от мороза, днем башмаки промокали, а ночью промерзали. Даже перчатки помогли бы в такой ситуации, но большинство из нас страдало от обморожения, из-за чего пальцы распухали, а кожа на них трескалась.

Некоторые из наших парней ломались, и это было вполне понятно. Мы начали испытывать проблемы с недостатком продовольствия и отсутствия подходящей одежды. Оставшись без еды на целую неделю, мы сначала и не поняли, что у нас просто нет сил для продолжительного марша: наши батареи были разряжены...Люди начали бросать каски, шинели, даже винтовки, из колонны доносились рыдания. Ради Христа, остановитесь, этот человек (*видимо, речь идет о командире – ВК*) - просто долбаный маньяк – я уже не могу идти дальше, да никакой *Джерри* (*прозвище немцев, более типичное для периода ВМВ – ВК*) не может быть хуже, чем этот ублюдок! Люди выпадали из строя, некоторые спокойно, без шума, некоторые с проклятиями и угрозами рассказать об этом и сделать что-то такое по возвращении домой...

У меня было такое ощущение, что у меня рот полон опилок. Мысли о еде не производили никакого положительного эффекта на мое слюноотделение. Ноги были настолько тяжелы, что казалось, на них одеты такие же свинцовые башмаки, какие носят водолазы.

Британцы повсеместно были под непрерывными атаками немецкой авиации.

Ложись! Это была единственная команда, которую мы слышали. Последовал вой падающих бомб, глухой удар и грохот взрывов, которые встряхнули и приподняли землю под нами. Затем на нас посыпались обломки камней и послышался свист летящих осколков. Нам осталось благодарить судьбу за то, что на нас были каски...

Я чувствовал, что мне очень повезло, бросая прощальные взгляды на то место, где мы высадились совсем недавно. Не осталось красивых домиков, были видны только трубы, похожие на пальцы, указывающие куда-то вверх и вниз в [этом разрушении наши] эсминцы.

По книге Robert Kershaw. NEVER SURRENDER. Lost Voices of a Generation of War. 2009.

Фрагменты дневника младшего бомбардира/и.о. сержанта (lance bombardier/acting sergeant) 193-й Зенитной Батареи Эссекского Полка У. Мэйсона (W. A. F. B. Mason). Аэродром Бардуфосс/Bardufoss, Нарвикский сектор боевых действий

26 мая

Ну и день! *Джерри* наседал на нас и на *RAF* весь день. Всего их было 23 самолета, которые поливали нас свинцом и наделали кучу воронок. Наши парни весь день вели огонь и чертовски попотели. *RAF* гоняли свои грузовики на базу за боеприпасами для нас. Моя пушка произвела 132 выстрела за сегодняшний день, теперь мы будем на чеку всю ночь – проведем техобслуживание пушки и снова будем ждать *Джерри*.

В бой вступили в 6.10 утра. У многих царапины. У шестерых из моих парней легкие ранения, ангары *RAF* повреждены. 5 немецких самолетов сбито нами и *RAF*, 10 повреждено, и ожидается, что они не доберутся до аэродрома. Погода довольно жаркая, и определенно мы получаем то, что приходится ожидать и получаем от этого удовольствие. Из дома никаких вестей.

27 мая

Снова прекрасная погода. Снова начался бой, но длился он только час. В 9.45 утра прилетели три самолета *Джерри*, двоих сбили, но они сбросили 8 бомб и хорошенько постреляли по нам. Одна бомба попала в ангар, погибли двое пулеметчиков *RAF* и трое ранено. 50 немецких парашютистов было убито в ходе их сброса норвежцами, но далеко от нас. Вот уже третья ночь подряд, когда я вижу полуночное солнце...

28 мая

Кажется, *Джерри* знал, что мы хотели похоронить погибших ребят из *RAF*, потому что день был превосходным и спокойным. Мы похоронили их в 150 ярдах от позиции нашей пушки в маленьком перелеске в нижней части склона. Пятеро из нас – старших подофицеров - и еще трое подофицеров *RAF* построились, чтобы отсалютовать погибшим из винтовок. Один из погибших был 20 лет от роду, другой 25 – он женился за 17 месяцев до гибели, у него осталась маленькая дочь. Мы уже видели столько раненых или разорванных в клочья мальчишек, что все уже привыкли к этому...

Флот и *RAF* разнесли Нарвик ко всем чертям в этот вечер, и мы могли наблюдать за этим издали. Здесь взаимодействие всех трех родов войск проявило себя великолепно. Пишу это и вижу полуночное солнце. Ужасно обеспокоен отсутствием вестей из дома.

29 мая

Мне сегодня очень повезло – меня миновал осколок бомбового стабилизатора. Немцы засыпали нас свинцом и бомбами, начиная с 5.20 утра, двоих моих парней зацепило: Р. Гринуэй (*R. Greenway*) домой уже не вернется, другого ранило в плечо, все не так страшно. Один самолет *RAF* был поврежден на земле. Всего за 5 последних дней *Джерри* потерял 21 самолет. Мы все еще находимся в Бардуфоссе/*Bardufoss*... Вестей из дома нет.

30 мая

Ну и день. Мы сидели весь день в старом сарае, поскольку было зверски холодно и лил мелкий холодный дождь. Гор вокруг нас не было видно, видимость была 5-6 ярдов. Никакой опасности с воздуха, у нас появился день, чтобы отоспаться. Сообщили, что двое *Харрикейнов* с нашего аэродрома были потеряны. Я страшно волнуюсь из-за отсутствия новостей из дома.

31 мая

Снова на похоронах, снова салютовал. Сегодня мы похоронили юного Гринуэя в 4 утра, рядом с теми двумя парнями из *RAF*. Погода все еще холодная, но ясно, и нет дождя. Последний день мая, и все еще нет новостей из дома.

1 июня

Это был трудный день. В 12.30 нам пришлось прекратить стрельбу, и в 1.15 мы были на пути в Нарвик, куда прибыли в 8.20 утра. Чертовски трудный переезд, много атак с воздуха, много раз нам очень повезло. Нам пришлось оставить свои вещи в Бардуфоссе. Не могу этого понять, но здесь мы определенно не в роли проигравших в войне. Когда я это пишу, мы находимся в боевой готовности, все еще холодно. Нет новостей из дома, и я не знаю, что принесет нам завтра.

2 июня

Приехал рассылный с почтой, но мне писем нет. Бог ты мой, да получу я какие-нибудь новости от матери? Я расстроен. Мы постоянно были в бою после прибытия сюда вчера и не спали последние 48 часов. Да и следующей ночью, похоже, поспать не удастся. По эту пору нам зачитали 8 сбитых *Джерри* и 16 поврежденных, которые, как считается, вряд ли долетели до баз. Неплохо, но это чудо, что нас миновали все бомбы и пули, которые *Джерри* послал нам. На счету летчиков 56 подтвержденных побед и 63 вероятных при потере только 4 своих машин. Летчики и мы делаем свое дело неплохо, но, поверьте, в этом краю не до радостей: война остается войной, и мы ждем, что ночью *Джерри* прилетит снова, и мои парни спят рядом с нашей пушкой.

3 июня

Погода сегодня опять поменялась – холодный мелкий дождь и одна атака *Джерри* – 2 самолета. Сегодня видел такое, что не забудешь – бомба попала в грузовик, в котором было 15-20 норвежцев всего лишь ярдах в 100 от нас. Мы видели, как во все стороны летят куски грузовика и людей. Постояв, мы подошли, чтобы посмотреть, что там и как, и не могли вообще ничего разглядеть... Ждем ясной и спокойной ночи. Из дома вестей нет.

4 июня

Погода все еще плохая. Мы отправляемся обратно в Бардуфосс, но намечается какое-то крупное событие, поскольку треть наших ребят вечером покинула нас в большой спешке.

Куда они уехали, никто не знает, но я думаю, что нас всех скоро отправят за ними, чтобы занять позиции у пушек, для которых не хватает людей в расчетах...

5 июня

Погода немного яснее, очень спокойный день, еще один наш парень уехал, и я остался в арьергардном отряде: 1 офицер, я, 20 человек. Все делается в большой спешке. 20 человек должны продолжать выполнять различные обязанности таким образом, чтобы при всех пушках были расчеты. Хотел бы я знать, к чему все это. Вестей из дома нет.

6 июня

Еще один спокойный день, но вечером, в 9.45, мы покинули свои позиции в грузовиках с покрытием. Перед этим мы вывели из строя наши пушки и привели в негодность все припасы. Прибыли на стоянку Сорейсса/Soreissa в 11.30 ночи. Рядом эсминец *Fame*. Похоже, мы в спешке покидаем Норвегию...

7 июня

За три часа эсминец перебросил нас на старый транспорт *Royal Ulsterman* в 3.50 утра. Мы теперь в составе конвоя, уходящего в Англию и Шотландию... покойного

Страницы дневника покойного ветерана любезно предоставлены его внучкой Джоанн

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org